

Святому все, что является благом; творению же Он не дарует блага, но дает только взаймы. Солнце дает тепло воздуху, но свет оно дает ему в долг, и потому, как только солнце заходит, воздух света лишается, тепло же у него остается, ибо оно отдано воздуху в собственность. Поэтому учителя говорят, что Бог, небесный Отец, Сыну Отец, а не Господин, и не Господин Он Духу Святому. Но Бог Отец-Сын-Дух Святой является Господином и Господом твари. И мы говорим, что Бог был извечно Отцом, а с тех пор, как создал творения, Он является Господином⁹¹⁶.

Теперь я скажу: раз человеку все отдано в долг, что хорошо или утешительно или временно, почему же он в таком случае сетует, если Тот, Кто ему одолжил, хочет это отнять? Ему надо благодарить Бога, что Он ему так долго одалживал. И за то пусть еще он будет Ему благодарен, что Тот у него не отбирает все сразу, что одолжил; а ведь было бы поделом, если бы Бог взял назад все, что ему давал в долг, коль гневается человек, что Он берет у него часть из того, что его никогда не было и владыкой чего он никогда не являлся. Потому верно говорит Иеремия, пророк, пребывая в великом страдании и плаче: «Велико милосердие Божие, что мы совсем не исчезли»⁹¹⁷. Если кто-то, кто мне одолжил платье, куртку и шубу, шубу свою назад заберет, а мне в мороз оставит платье и куртку, то я, по правде сказать, должен быть ему благодарен и радостен. И вот что особо стоит заметить, сколь велика неправда моя, если я гневаюсь и печалюсь, когда чего-то лишаюсь. Раз я хочу, что-бы добро, какое есть у меня, было мне отдано, а не одолжено, то я желаю быть Господом и желаю быть Божьим Сыном по естеству и вполне, не будучи даже Божьим сыном по благодати; ведь свойство Сына Божьего и Духа Святого — быть во всех вещах равными.

Еще следует знать, что, без сомнения, людская естественная добродетель так благородна и столь могуча, что для нее никакое внешнее действие не будет ни чрезмерно тяжелым, ни достаточным, чтобы в нем и при нем она сумела себя обнаружить и в нем проявиться. И поэтому есть сокровенное дело, которое ни время, ни место не может ни охватить, ни объять, и в котором есть нечто, что Божественно и Богу подобно, — Его же не ограничит ни время, ни место, Он равно есть всегда и повсюду. Еще [труд] в том Богу подобен, что Бога никакое творение не может вместить, как и воплотить в себе Его благость. Поэтому должно быть что-то внутреннее, высшее и нетварное, лишнее меры и вида, в чем небесный Отец сумел бы вполне воплотиться, излиться и проявиться: это - Сын и Святой Дух. Сокровенному делу добродетели можно помешать так же мало, как нельзя воспротивиться Богу. — День и ночь дело сияет и светит. Оно восклицает и поет Богу осанну и новую песнь, как Давид говорит: «Воспойте Богу новую песнь»⁹¹⁸. То славословие — от земли и то дело Бога не любит, которое внешне, которое объемлют время и место, которое узко, которому могут мешать и препятствовать, которое устает и дряхлеет от времени и упражнений. А это дело — Бога любить, хотеть благого и блага. И все, что с волей чистой и цельной во всех добрых делах человек сделать желает и хочет, то он теперь совершил, уподобляясь в сем Богу, о котором Давид говорит: «Все, что хотел, Он ныне соделал и сотворил»⁹¹⁹.

Этому учению имеем мы зримое свидетельство в камне. Его внешнее делание состоит в том, что он падает вниз и ложится на землю. Можно воспрепятствовать делу, и камень не будет падать все время без перерыва. Другое дело в камне более сокровенно, это стремление вниз, и оно прирожденно ему. Его у него не возьмут, не отымут ни Бог, ни творения. Сие дело камень непрестанно творит день и ночь. Так что лежи он хоть тысячу лет наверху, вниз клониться он будет ни меньше, ни больше, чем в первый день.

Именно так же я говорю о добродетели, что у нее есть внутренний труд: ко всему благому